

УДК 81'25

РОЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ

А. А. Яковлев

THE ROLE OF VERBAL AND INTERIOR CONTEXT IN TRANSLATION

A. A. Yakovlev

В статье описывается эксперимент, нацеленный на выявление влияния вербального и внутреннего контекста (образа мира) на выбор способа перевода текста с английского языка на русский. Методика эксперимента заключалась в том, что одной группе испытуемых было предложено перевести пять вырванных из контекста предложений, второй группе – те же предложения, но с указанием стиля или тематики текстов, из которых они взяты, третьей – небольшие отрывки, содержащие данные предложения. Таким образом, испытуемые первой группы должны переводить, основываясь только на внутреннем контексте, вторая группа – основываясь на широком контексте, третья – на узком вербальном контексте. Результаты эксперимента в целом подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что разные виды контекста влияют на осуществление перевода системно, но внутренний контекст играет интегрирующую, управляющую роль в этой системе.

The paper discusses the experiment aimed at revealing the influence of the verbal context and the translator's worldview (interior context) on the translation tactics from English into Russian. The methodology of the experiment was that three groups had to translate five sentences: the first group of testees translated separate sentences, the second one translated the same sentences with some indication of the style and the topic of text that the sentence was taken from, and the third group translated passages which included the sentences. Therefore, the translation was based on different kinds of context: on the inner context only, on the exterior non-verbal context, and on the verbal context. The confirmed experiment hypothesis was that different types on context play different roles in the whole system of translation and the integrative role belongs to the translator's worldview (interior context).

Ключевые слова: перевод, картина мира, внутренний контекст, психолингвистический эксперимент.

Keywords: translation, worldview, interior context, psycholinguistic experiment.

Как при восприятии, так и при порождении речи для субъекта речевой деятельности не существует отдельно взятого слова, оно включено во множество связей и отношений, оно неизбежно актуализирует ту или иную ситуацию, представление об объекте, о самом субъекте и т. п. Возникают смыслы, являющиеся не простой совокупностью слов, а чем-то абсолютно другим и новым – системой образов и представлений о «внешнем» мире, которая является не только продуктом, но и средством восприятия действительности. Такую систему образов, реализующих себя посредством языка, и имеют в виду, говоря о языковом сознании и внутреннем контексте.

С точки зрения языкового сознания, любое высказывание говорящего рассматривается как отображение мысли (её речевая форма), образа, построенного в сознании говорящего и воплощённого в речи. Воспринимаемая речевое сообщение, человек декодирует знаки языка и строит собственную мысль, образ содержания текста, ментальную проекцию в своём сознании, образе мира [2; 4, с. 394 – 481; 6, с. 106].

Если применить эти предпосылки к изучению перевода, то из них следует, что в переводе как виде речевой деятельности существенную роль играет внутренний контекст, через который проходит восприятие текста оригинала и порождение текста перевода, и который накладывает отпечаток на средства и способы перевода. Возникает тогда вопрос о роли внутреннего контекста в осуществлении перевода и его взаимодействии с другими видами контекста.

Следует отметить, что в последнее время в переводе всё чаще используются экспериментальные

процедуры (см., например, [1]), что обусловлено логикой развития этой науки [3; 5].

В основе проведённого нами эксперимента лежала следующая гипотеза: разные виды контекста влияют на осуществление перевода системно, роль каждого из них в системе особенна, но внутренний контекст, языковое сознание, в конечном счёте образ мира субъекта переводной деятельности играет интегрирующую, управляющую роль в этой системе.

Эксперимент заключался в том, что трём группам испытуемых было предложено перевести отдельные предложения или отрывки из текстов разных стилей, а именно: научного, публицистического и художественного. В первом случае предложения были предложены для перевода без контекста и без указания ситуации. Во втором случае предложения были даны с описанием ситуации (под ситуацией понимается указание стиля и/или темы текста, откуда был взят отрывок). В третьем случае испытуемым был предложен небольшой отрывок. Испытуемыми (далее – Ии) являлись студенты 4 курса бакалавриата и 5 курса специалитета института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск), которые успешно сдали экзамен САЕ и СРЕ. Всего в эксперименте приняло участие 69 Ии. Во время перевода они могли пользоваться словарём, но не Интернетом.

Рассмотрим результаты переводов первой группы Ии (всего 24 человека).

Первое предложение было взято из научной статьи о коматозных пациентах: *Some vegetative patients who show signs of hidden awareness have remarkably well preserved networks similar to healthy adults.* В данной груп-

пе «справились» с заданием всего 3 испытуемых, которые верно передали смысл предложения.

Хотя все три перевода нельзя назвать идеальными, всё же серьёзных семантических искажений в них нет. Остальные Ии (21 человек) «не справились» с заданием в связи с чрезмерными обобщениями и упущениями, неверным использованием терминологии, абсолютным искажением первоначального смысла. Характерные примеры:

– *Вегетативные пациенты, имеющие симптомы скрытого беспокойства, прекрасно сохраняют работоспособность мозга, схожую со здоровыми взрослыми людьми.*

– *Некоторые пациенты, находящиеся в состоянии «овоца», которые подают признаки скрытого сознания, имеют необыкновенно хорошую иммунную систему, схожую с системой здоровых взрослых.*

– *Некоторые парализованные пациенты, которые выказали признаки скрытого понимания, невероятно хорошо сохранили взаимодействия, сходного со взрослыми людьми.*

Второе предложение для перевода было взято из речи астронома Карла Сагана, где он описывал снимок, на котором изображена планета Земля с рекордного расстояния на фоне просторов космоса: *That's here. That's home. That's us. On it everyone you love, everyone you know, everyone you ever heard of, every human being who ever was, lived out their lives.*

Очевидно, что из примера практически невозможно догадаться, о чём именно идёт речь. В данном случае количество правильных и неправильных предложений разделилось практически напополам, а именно 11 правильных и 13 неправильных. Интересно, что многие Ии, не понимая до конца смысла исходной фразы, придумывали свой собственный смысл и добавляли лишние детали. Приведём несколько таких примеров:

– *Наконец-то здесь. Наконец-то дом. Наконец-то мы. Здесь все, кого ты любишь, все, кого ты знаешь, все, о ком ты когда-либо слышал, каждый, кто когда-либо существовал, все проживали свою собственную жизнь.*

– *Именно здесь. Именно в этом доме. Именно мы. Каждый, кого ты любил, каждый, кого ты знаешь, каждый, о ком ты когда-либо слышал, каждый, кто когда-либо бывал, по-настоящему проживал свою жизнь.*

Данные примеры показывают, что внутренний контекст всегда играет существенную роль в переводе, даже когда предложение понято неверно.

Далее по ходу эксперимента Ии должны были перевести высказывание, состоящее из двух предложений, взятых из научно-популярной статьи о том, как возбуждение влияет на принятие решений: *That's all well and good; nothing inherently off-key about being aroused. Except for the fact that especially heightened arousal prior to making a decision tends to correlate with not-so-great decisions.* Как и в случае с отрывком из научной статьи (первое предложение на перевод), в данном случае наблюдается большой разрыв между правильными и неправильными предложениями, а именно: 8 правильных из 24.

Данное предложение вызвало большие трудности с пониманием, поэтому Ии стремились додумать лишние

детали, что зачастую приводило только к ухудшению перевода:

– *Все хорошо, что хорошо кончается; ничего особенно ключевого не пробудилось. Кроме того, что **преувеличение поднимаемого приоритета при принятии решения приводит к связи с не очень великолепными решениями.***

Можно сделать предположение, что Ии, чувствуя, что предложение взято из источника с научным стилем, стремились придать своим переводам «научность».

Следующее предложение было взято из произведения «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери: *A baobab is something you will never, never be able to get rid of if you attend it too late.* 9 из 24 Ии правильно перевели данное предложение, однако далеко не все предложения стилистически подходят для художественного текста.

Есть и стилистически абсолютно неприемлемые варианты перевода:

– *От баобаба невозможно избавиться, если меры по его устранению предприняты слишком поздно.*

Третье предложение, данное для перевода нашим Ии, представляется наиболее интересным. Оно было взято из публицистической статьи, посвящённой проблеме вагонетки – мысленному эксперименту в этике, впервые сформулированному английским философом Ф. Фут и переформулированному Д. Д. Томсоном. Статья, из которой был взят отрывок, посвящена исследованию ответов испытуемых на этот этический вопрос в двух разных случаях – если вопрос был задан на родном языке и на иностранном. Испытуемые, которым был задан вопрос на иностранном языке, были готовы толкнуть на рельсы толстого человека ради спасения остальных: *Specifically, when people are asked the fat-man question in a foreign language, they are more likely to kill him for the others' sake.*

В нашем же исследовании, если Ии не имели надлежащих фоновых знаний, то предложение вводило их в ступор, было практически невозможно верно его перевести. Предыдущие предложения также даны без контекста и их тоже нелегко понять, но они так или иначе встраивались во внутренний контекст Ии, а это предложение, по всей видимости, даже не находило своего «места» во внутреннем контексте.

В данной группе было всего один правильный перевод, при этом очевидно, что испытуемый точно знал, о чём идёт речь.

Остальные 23 человека пытались придать предложению более-менее адекватный вид, на их взгляд, и додумывали смысл. Интересно, что здесь ярко выделяется группа из 6 Ии, которые интерпретировали *the fat-man question* как неудобный или глупый вопрос, другие проявляют изыски воображения:

– *Зачастую, когда людям задается глупый вопрос на иностранном языке, они готовы убить спросившего на благо остальных.*

– *В частности, когда людей спрашивают вопросы о «толстяке» (атомной бомбе времён второй мировой войны) на иностранном языке, они скорее убьют человека, задавшего вопрос, по чьей-то просьбе.*

Очевидно, что в данном случае возможный вербальный контекст «компенсируется» фоновыми зна-

ниями, чем и обусловлено большое количество неверных переводов.

Итак, перевод предложений, вырванных из контекста, имеет следующие особенности: расширение предложения с целью объяснения, добавление новых слов, копирование синтаксической структуры исходного предложения, большая смысловая вариативность. Это обусловлено тем, что у каждого человека – разные фоновые знания и разный внутренний контекст, и именно эти два фактора играют ключевую роль при переводе без вербального контекста, так как Ии встраивают предложения в свой внутренний контекст и оперируют фоновыми знаниями вместо опоры на контекст вербальный.

Как уже указывалось, второй группе Ии (всего 21 человек) было дано задание перевести те же предложения, что и первой группе, которые сопровождалось описанием ситуации, сформулированным максимально кратко и понятно, чтобы не дать лишней информации Ии, но при этом ввести их в курс дела.

К первому предложению был дан следующий комментарий: *Научная статья об исследовании сознания коматозных пациентов.*

Как показал анализ переводов второй группы Ии, в данном случае знание ситуации радикально ничего не изменило, т. к. из 21 переводов всего 4 оказались правильными.

Стоит отметить, что из названных четырёх правильных вариантов автор лишь одного использовал опору на ситуацию и перевёл *vegetative patients* как *пациенты в коматозном состоянии*. Среди неправильных вариантов также есть 3 предложения, в которых Ии воспользовались ситуацией и перевели *vegetative patients* как *пациенты в коматозном состоянии*, однако были сделаны ошибки в других частях предложения. Например:

– *Некоторые коматозные пациенты, подающие признаки скрытого восприятия, обладают удивительно хорошо сохранившимися мыслительными структурами, характерными для взрослых здоровых людей.*

– *Удивительно, но некоторые коматозные пациенты, демонстрирующие признаки скрытой осведомленности, имеют такие же нейронные связи, как и у здоровых людей.*

Как и в случае с первой группой Ии, были сделаны ошибки, связанные с добавлением нового смысла, некорректным использованием терминологии, опущением непонятных деталей, и эти ошибки в целом примерно такие же.

Ко второму предложению был дан следующий комментарий: *Речь астронома Карла Сагана, в которой он говорит о фотографии Земли, сделанной спутником с рекордного расстояния.*

В этом случае были упомянуты слова *Земля* и *фотография*, что давало Ии намёк на возможный перевод местоимения и вообще интерпретацию смысла, в результате 14 человек «справились» с заданием. При этом, судя по переводам, в 9 из 14 случаев предложения были переведены с опорой на ситуацию.

Для третьего предложения ситуация была сформулирована следующим образом: *Научная статья по психологии о взаимосвязи возбуждения и принятия решений.*

Как и в первой группе, здесь было 7 Ии, которые правильно перевели предложение. Однако стоит отметить, что в первой группе было всего 9 испытуемых, которые перевели словосочетание *being aroused* как *состояние возбуждения*, во второй же группе явно заметно, что термин *возбуждение* был заимствован из описания ситуации, так как 19 испытуемых из 21 воспользовались этим словом, что свидетельствует как раз об опоре на ситуацию. Наиболее характерные примеры:

– *Все правильно и хорошо; нет ничего необычного в том, чтобы находиться в возбуждённом состоянии. Кроме того факта, что исключительно высокий уровень возбуждения, предшествующий принятию решений, часто приводит к принятию не лучших решений.*

– *Нет ничего плохого в состоянии возбуждения. Исключая те случаи, при которых повышенная степень возбуждения влияет на принятие решений, в результате чего решение оказывается недостаточно хорошим.*

В четвёртом предложении ситуация была обозначена только указанием стиля: *Отрывок из художественного произведения*. При указании темы или сюжета произведения Ии. могли бы очень легко догадаться, что предложение было взято из «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери, что существенно повлияло бы на переводы.

Из 21 испытуемого 13 перевели предложение правильно.

При этом в отличие от соответствующего предложения в первой группе практически все предложения стилистически выдержаны. Однако некоторые Ии решились дать волю своей фантазии:

– *Баобаб это то, что вы никогда не сможете оставить, если вы начали принимать это.*

– *Баобаб – это то, от чего вы когда-либо будете иметь возможность избавиться, если вы попробовали, то уже слишком поздно.*

Последнее предложение, как и в первой группе, стало исключением. Ситуация была сформулирована следующим образом: *Статья о проблеме вагонетки: язык, на котором задаётся вопрос, влияет на принятие решения.*

Несмотря на то, что была упомянута проблема вагонетки, из 21 Ии верно перевёл предложение только один человек, остальные, как можно полагать, не знали, в чём заключается эта проблема. Причём из этого верного перевода не ясно, знал ли И, что это такое, или просто случайно сформулировал перевод верно. В остальных случаях ошибки были такие же, как и в первой группе: Ии пытались передать смысл предложения наиболее адекватно, встраивая его во внутренний контекст и добавляя новые смыслы. Причём сохраняются те же тенденции, что указывает на влияние внутреннего контекста – у большинства Ии в сознании возникают примерно одинаковые типичные ситуации. Например:

– *В том случае, когда людям предоставляют выбор на иностранном языке, они чаще выбирают избавиться от слабого звена для общей пользы.*

– *В особенности, если людям задать неудобный вопрос на другом языке, они скорее избегают его, чтобы не создавать неловкости.*

– *Особенно, когда людям задают длинный, замысловатый вопрос на иностранном языке, они скорее всего проигнорируют его.*

Принимая во внимание все описанные выше примеры, можно сделать следующие предварительные выводы. Ии второй группы обращают внимание на ситуацию, однако это не оказывает сильного положительного эффекта на перевод, так как соотношение правильных и неправильных предложений осталось примерно на том же уровне, как и в первой группе. Всего из 105 переводов в 32 была чёткая ориентация на ситуацию, однако в предложении про баобаба это было невозможно отследить (ситуация была выражена очень пространно), а в предложении про проблему вагонетки никто не понял, о чём идёт речь. Из описания ситуации Ии взяли отдельные термины и встроили их в свой внутренний контекст, что выражалось в том, что отдельные слова были переведены верно, однако в общем и целом предложения имели расхождения в смысле.

Рассмотрим теперь, какими особенностями обладают предложения, переведённые в небольшом вербальном контексте. В данную группу входило 24 Ии, которым было дано задание перевести не только интересное нас предложение, а весь отрывок целиком.

Первое предложение стояло в конце предложенного нами смыслового отрывка, в данном случае наблюдается резкое увеличение правильных вариантов: 9 испытуемых из 24 перевели предложение верно. Для сравнения: в первой группе верных переводов было 3, во второй – 4. Некоторые характерные примеры верно перевода:

– *Некоторые пациенты с таким диагнозом (ранее в переводе: **диагноз «коматозное состояние»** – А. Я.), показавшие скрытую осознанность, имеют, вероятно, хорошо сохранившуюся систему нейронов, как у здоровых людей.*

– *Некоторые коматозные пациенты, подающие признаки сознательности, весьма, однако, скрытые, имеют такую же фиксированную нейронную связь, как и здоровые подростки.*

Очевидно, что Ии в целом лучше понимают, о чём идёт речь в данном предложении, более точно используют терминологию, лучше подбирают слова из синонимического ряда, которые часто связаны с предыдущими предложениями переводного текста.

Второе предложение находилось в середине отрывка и, соответственно, было более тесно связано как с предыдущим, так и с последующим контекстом. Из 24 Ии 13 перевели предложение верно. Примеры верно перевода:

– *Она – наш дом. На ней – все, кого вы любите, все, кого вы знаете, о ком вы слышали, каждый из тех, кто жил, живет и будет жить.*

– *Земля. Это наш дом. Это мы. Здесь все, кого ты любишь, знаешь, о ком ты когда-то слышал, каждый человек, когда-либо живший на Земле.*

– *Она здесь. Это наш дом. Это и есть мы. На ней все, кого вы любите, кого знаете или о ком когда-либо слышали, каждый когда-либо существовавший человек, проживший свою жизнь.*

Как видно из примеров, из-за наличия связи с контекстом в данном предложении высока вариативность его первой части, по этой же причине Ии использовали разнообразные лексические средства, чтобы передать

смысл предложения, и меняли синтаксическую структуру.

Следующее предложение также находится в середине сверхфразового единства. В данном случае 12 Ии перевели предложение верно, и так как они не были ограничены темой текста и ситуацией, вариативность перевода увеличилась. Например:

– *Все это совершенно нормально и естественно: нет ничего плохого в самом факте возбуждения, кроме, конечно, влияния повышенного уровня возбуждения на решения, которые мы принимаем.*

– *Это все хорошо и замечательно. Нет ничего дурного по своей сути в процессе возбуждения. За исключением того факта, что повышенный уровень возбудимости, который предшествует принятию решений, может быть соотнесён с принятием необдуманных решений.*

Изменение семантико-синтаксической структуры высказывания означает, как можно предположить, что Ии привязывали предложение к контексту и встраивали его в сверхфразовое единство целиком, а не просто копировали грамматику.

Следующий пример является отличным показателем взаимосвязи отдельного предложения с вербальным контекстом. Он был дан в контексте произведения.

Из 24 Ии 16 перевели предложение верно, при этом 1 человек догадался, из какого произведения взят отрывок (как он сообщил в ходе беседы после эксперимента), и ещё один оставил на бланке комментарий «похоже на сказку». В целом Ии поняли, к какому стилю принадлежал отрывок, и поэтому были более свободны в подборе языковых средств, как лексических, так и синтаксических. Например:

– *Если вы не побеспокоитесь об этом заранее, вы никогда, никогда не сможете избавиться от баобаба.*

– *А баобаба – это такое растение, от которого вы никогда и никак не сможете избавиться, если слишком поздно спохватиться.*

Последнее предложение было последним и в отрывке, что позволило вести Ии в курс дела и дать понять, о чём идёт речь. 16 Ии из 24 верно перевели предложение. Во многих случаях наблюдалась сильная взаимосвязь с предыдущим контекстом:

– *Это значит, что когда людям задают вопрос о толстом человеке на иностранном языке, они склонны совершить убийство по отношению к нему ради блага других людей.*

– *Особенно в тех случаях, когда вопрос о толстяке (проблема вагонетки) задаётся на иностранном языке. Тогда большинство людей с большей вероятностью готовы пожертвовать им, чтобы спасти остальных.*

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что контекст уменьшает количество синтаксически однородных предложений, так как, чётко понимая общий смысл высказывания, Ии по-разному выражают одну и ту же мысль, а также потому, что языковые средства, уже использованные в тексте перевода, обуславливают средства, используемые для перевода данного предложения. При отсутствии контекста Ии более склонны выражать свою мысль исключительно в рамках данной синтаксической структуры и словарных

соответствий, не имея возможности или достаточных оснований что-то изменить.

Ситуация, вербальный и внутренний контекст влияют на перевод системно, но роль каждого из этих факторов неодинакова. Системный характер их взаимодействия получает только благодаря внутреннему контексту, образу мира.

При переводе без контекста наблюдается расширение смысла исходного текста с целью объяснения того, что именно поняли Ии. Кроме того, в переводе без контекста зачастую наблюдается добавление новых смыслов, которые отсутствовали в оригинале. Это может быть связано с тем, что у каждого человека свой уникальный внутренний лексикон, и при отсутствии контекстной опоры Ии встраивают имеющиеся данные в своё сознание при главенствующей роли вероятностного прогнозирования.

Знание ситуации обеспечивает лучшее понимание смысла предложения, но ограничивает выбор лексических единиц. Испытуемые ориентировались на сформулированную нами ситуацию и выбирали лексические средства в соответствии с указанным функциональным стилем или темой текста. Знание ситуации даёт более полное понимание смысла высказывания или его элементов, но не влияет на синтаксис, который зависит либо от внутреннего, либо от вербального контекста, но почти никогда от ситуации.

Перевод с опорой на контекст не сужает вариативность лексических единиц, а наоборот, расширяет её, так как обеспечивает наилучшее понимание оригинала

и даёт возможность наиболее разнообразными средствами выразить смысл. Кроме того, индивидуальный внутренний лексикон также влияет на выбор лексических средств, расширяя вариативность перевода, но лишь в том случае, когда в нём актуализируется значение слова, соответствующее вербальному контексту, что и даёт индивиду возможность лучше оперировать другими значениями, связанными с данным (например, синонимичными). Вербальный контекст может в некоторых случаях заменять ситуацию: на основе даже небольшого отрывка наши Ии были способны создать в своём сознании адекватный образ содержания текста и верно предположить тематику и стиль текста, что позволяло подобрать наиболее приемлемые для передачи смысла лексические и грамматические средства.

Общая тенденция такова: от первой группы Ии к третьей количество верных переводов возрастает, семантическая вариативность переводов сужается, а лексико-грамматическая расширяется, разумеется, последнее происходит в рамках, задаваемых функциональным стилем и уже переведённой части текста.

Эксперимент показывает также, что вербальный контекст и ситуация (или, можно сказать, узкий и широкий вербальный контекст соответственно) полифункциональны: информация, недостающая в вербальном контексте, может быть почерпнута из ситуации, но только при переработке в контексте внутреннем. И наоборот, даже минимальный вербальный контекст сужает возможные интерпретации смысла текста и корректирует выбираемые средства перевода.

Литература

1. Авакян А. А. Перевод как инструмент исследования процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 242 – 246.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
3. Зыкова С. А. Когнитивные стратегии в переводческом процессе // Вест. Челябинск. гос. ун-та. (Серия: Филология. Искусствоведение). 2014. № 6(335). Вып. 88. С. 19 – 21.
4. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. Воронеж: МОДЭК, 2003. 536 с.
5. Нефёдова Л. А., Ремхе И. Н. От трансформации слов к репрезентации мысли: краткий анализ становления когнитивного подхода в лингвистической теории перевода // Вест. Челябинск. гос. ун-та. (Серия: Филология. Искусствоведение). 2014. № 6 (335). Вып. 88. С. 32 – 34.
6. Рубакин Н. А. Библиологическая психология. М.: Академический проект; Трикста, 2006. 800 с.

Информация об авторе:

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск), mr.koloboque@rambler.ru.

Andrey A. Yakovlev – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.